83 02 ал
30
автограф

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ

1851 ГОДА

83 02/30

Николаю Михайловичу

Жемчужникову.

Григорію Николаевичу Беннади
въ его Библіотеку

Н. Жемчужникова

Гос. Историч. Научн. Б-ка
РСФСР
№ 331950
«___» _____ 193 г.

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ

1851 ГОДА.

Печатать позволяется 17 Января 1851 г. Цензоръ *А. Крыловъ*.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Января 8 нынѣшняго года родные и друзья праздновали юбилей пятидесятилѣтней службы отечеству Графа Дмитрія Николаевича Блудова. Домашній праздникъ, выражавшій воспоминанія о прошломъ и настоящія чувства людей близкихъ хозяину дома, долженъ бы остаться въ семейномъ кругу; однако же мы позволяемъ себѣ нарушить скромность и сказать нѣсколько словъ о праздникѣ и для общаго свѣдѣнія. Имя Графа Блудова принадлежитъ Россіи, его заслуги тѣсно соединены съ государственною и литературною нашею жизнію,

Онъ другъ и братъ пѣвца Людмилы,
Онъ другомъ былъ Карамзина.

Литературныя воспоминанія должны были занимать не послѣднее мѣсто на праздникѣ, ко-

тораго цѣль заключалась въ томъ, чтобы воскресить прошлое, напомнить молодость тому, чье имя соединено *съ послѣдними страницами безсмертнаго творенія Карамзина.*

Вечеръ начался домашнимъ спектаклемъ. Сцена представляла комнату, въ которой собрались дѣйствующія лица, въ костюмахъ, какъ бы для репетиціи различныхъ піесъ, приготовляемыхъ для домашняго спектакля. Между разговорами и приготовленіями повторили нѣсколько сценъ одну за другою. Такъ были разъиграны сцены изъ старой оперы Буаельдье: «ma tante Aurore», съ извѣстными куплетами: «non ma niè-ce vous n'aimez pas»; три первыхъ явленія изъ «Бригадира» Фонъ-Визина, нѣсколько сценъ изъ комедіи «Вертеръ» и наконецъ та сцена изъ «Дмитрія Донскаго», въ которой Русскій воинъ разсказываетъ Ксеніи о пораженіи Мамая. Полнозвучные стихи Озерова, прекрасно произнесенные, произвели сильное впечатлѣніе, и сами актеры, пользуясь тѣмъ, что они какъ бы только

приготовляются къ настоящему представленію, просили воина произнесть и слова Дмитрія Донскаго, которыми оканчивается трагедія.

Но первый сердца долгъ Тебѣ, Царю Царей,
Всѣ царства держатся десницею Твоей,
Прославь и укрѣпи и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте, великъ Онъ Русскій Богъ!

Прекрасная игра дѣйствовавшихъ лицъ, изъ которыхъ многія съ замѣчательнымъ талантомъ исполнили свои роли и выборъ самыхъ піесъ не могли не произвести особеннаго дѣйствія. Всѣ піесы принадлежали къ прошедшему времени, и напоминая Графу Д. Н. Блудову его молодость, онѣ напомнили всѣмъ ту эпоху въ нашей литературѣ, когда произведенія Фонъ-Визина еще были живы въ памяти, когда уже занялась заря новаго литтературнаго дня — выступили на поприще дѣйствія Карамзинъ и Дмитріевъ — и трагедіи Озерова составляли явленія современныя.

Когда окончилось представленіе, на сцену вбѣжалъ молодой человѣкъ и, подавая письмо, сказалъ: «Я прямо изъ Арзамаса, то есть съ Карповки». Письмо было прочтено:

«Съ развалинъ Арзамаса, отъ *Старушки*, «удрученной недугомъ, поклонъ и радушное «привѣтствіе давнишней подругѣ *Кассандръ* «*Пріамовнѣ*, сидящей не на развалинахъ Трои, «а въ кругу любимаго семейства и преданныхъ «друзей. Старушка хотѣла бы включить въ эту «грамотку всѣ воспоминанія юности, всѣ меч- «ты минувшихъ дней, словомъ — отголосокъ «тѣхъ забавныхъ и увлекательныхъ бесѣдъ, о «коихъ забыли безмолвные берега Карповки; «но тотъ, *кто сидѣлъ впереди*, умчался за *Свѣ*- «*тланою;* бѣдная Старушка съ трудомъ вла- «дѣетъ стальнымъ, заморскимъ перомъ, ибо «говорятъ, что на рынкѣ не найдешъ теперь «ни одного *перушка Арзамасскаго*, а въ при- «возѣ лишь *пухъ* и *потрохъ*. Какъ все измѣ- «нилось!»

«Но вотъ что неизмѣнно: посмотрите съ «умиленіемъ на этотъ кружокъ *немногихъ* «уцѣлѣвшихъ отъ времени и бурь, какъ буд- «то въ замѣну другихъ и смертію и жизнію «похищенныхъ. Чѣмъ тѣснѣе кружокъ, тѣмъ «чистосердечнѣе порывъ его соединяющій, «тѣмъ живѣе привязанность къ виновнику на- «шего собранія, тѣмъ признательнѣе мы долж- «ны быть къ Провидѣнію, дарующему намъ «на закатѣ дней способность наслаждаться «вмѣстѣ и плодами полувѣковой опытности, «и игрою фантазіи младенческой.

«Да будетъ сей день для насъ, стариковъ, «пріятнымъ воспоминаніемъ молодости, а для «окружающихъ насъ молодыхъ слушателей «новымъ побужденіемъ къ благороднымъ за- «нятіямъ ума. Намъ-ветеранамъ слѣдуетъ го- «ворить младшимъ товарищамъ, что и въ на- «шу очередь, сбросивши шутливую оболочку «Арзамасскую и собравшись нѣкогда около «*Карамзина*, онъ, какъ старшій братъ, съ

«кроткою улыбкою и яснымъ взоромъ, при-
«мѣромъ и совѣтами научалъ насъ трудиться,
«размышлять, писать. Счастливъ, кому дано
«было привязать свое имя къ послѣднимъ
«страницамъ его безсмертнаго творенія!

«Извините, любезнѣйшій *Юбиляръ*, если
«посланіе, начатое въ Арзамасѣ, невольно
«оканчивается Петербургомъ, посреди истин-
«но Васъ уважающихъ и любящихъ, въ числѣ
«коихъ я всегда занималъ и занимать буду
«и подъ личиною старушки и въ собствен-
«номъ видѣ, не послѣднее мѣсто.»

8 Января 1851 г.
Въ Санктпетербургѣ.

Вскорѣ послѣ трудовъ и подвиговъ 12-го года, когда Россія уже наслаждалась плодами славнаго мира, въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ того направленія, которое геній Карамзина произвелъ на развитіе нашей словесности, молодыми писателями того времени было учреждено литературное Общество подъ названіемъ: Арзамасъ. Карамзинъ считался его почетнымъ членомъ. Давая направленіе литературнымъ занятіямъ общества, скромный и благодушный характеръ Карамзина не позволялъ ему выказывать того же авторитета въ личныхъ отношеніяхъ съ молодыми писателями: онъ былъ первымъ между равными, *старшимъ братомъ* въ литературной ихъ семьѣ, въ которой занимали мѣсто В. А. Жуковскій, Батюшковъ, Д. В. Дашковъ, Кн. П. А. Вяземской и А. С. Пушкинъ. Каждый членъ общества назывался именемъ изъ Балладъ Жуковскаго. Графъ Блудовъ именовался Кассандрою, Графъ Уваровъ — Старушкою.

Послѣ чтенія письма, Кн. П. А. Вяземскій произнесъ куплеты, которые послѣ были пропѣты въ заключеніе представленья:

Нашъ бойкій вѣкъ парѝтъ и пàритъ,
Парàми гонитъ онъ и жжетъ;
Онъ жизнь торопитъ, время старитъ
И все кричитъ: впередъ, впередъ!

Что день, то новое начало,
Что день—съ вчерашнимъ днемъ разрывъ,
И что всѣхъ утромъ волновало
То къ вечеру сдано въ Архивъ.

Дѣламъ и людямъ срокъ данъ малый.
Вчерашній геній, поглядишь,
Ужъ нынче олухъ запоздалый
И вѣкъ любимцу кажетъ шишъ!

Преданій связь давно забыта,
Съ прошедшимъ справиться смѣшно,
И память на-глухо забита,
Какъ въ домѣ лишнее окно.

Одно въ умѣ нашъ вѣкъ имѣетъ,
Принявъ пословицу въ законъ:
Что кто о старомъ вспомнить смѣетъ
Тому глазъ должно вырвать вонъ.

Ты не таковъ, и слава Богу!
Глаза не выколешь ты намъ,
Когда на старую дорогу
Свернули къ старымъ мы друзьямъ.

Твой разумъ чуждъ предубѣжденья,
Не врагъ онъ доброй новизнѣ:
Въ благихъ успѣхахъ просвѣщенья
Идешь ты съ вѣкомъ наравнѣ.

Но старинѣ ты не измѣнникъ,
Не прилепляясь къ новизнамъ,
Ты не минутѣ современникъ,
Но современникъ всѣмъ вѣкамъ.

Ты въ памяти своей обширной
Хранишь преданья всѣхъ вѣковъ,

Любуясь выставкой всемірной
Всѣхъ дарованій и умовъ.

Фонъ-Визина ты шутки любишь,
И Озерова звучный стихъ
Ты нынѣ лаской приголубишь,
Какъ сонъ и радость дней младыхъ.

Въ сей день, друзьямъ твоимъ любезный,
Когда во цвѣтѣ бодрыхъ силъ,
Ты жизни чистой и полезной
Полвѣка съ честью совершилъ,

Друзья сошлись въ твой кругъ семейный,
Чтобъ, безъ торжественныхъ затѣй,
Украсить пиръ твой юбилейный
Живой картиной прежнихъ дней.

Сложи трудовъ высокихъ бремя
И, освѣжившись стариной,
Ты обочти скупое время
И сбрось полвѣка съ плечь долой!

Сей вечеръ—радости и дружбѣ,
Сей вечеръ съ нами отдохни
А завтра труженикъ на службѣ
Полвѣка новые начни!

Послѣ пѣнія куплетовъ, Кн. П. А. Вяземскій прочелъ посланіе къ Графу Д. Н. Блудову:

Тому полвѣка началъ ты
Служенье обществу и благу:
Имъ сердца свѣтлыя мечты
Имъ смѣлаго ума отвагу
Отъ раннихъ дней ты посвятилъ.
И лѣтъ тебя не тронулъ холодъ:
Еще ты нынѣ сердцемъ молодъ –
И бодрый умъ твой не остылъ.

Полвѣка—и сказать такъ страхъ!
А пережить куда какъ трудно:
Жизнь сѣетъ щедро въ юныхъ дняхъ
Но часто осенью жнетъ скудно.

Съ началомъ ссорится конецъ
И вѣчеръ—утра выводъ ложный,
Ты былъ и сѣятель надежный
И много выручившій жнецъ.

Ты честью почести стяжалъ
Безъ посторонняго участья.
Ты запыхавшись не бѣжалъ
За прыткой колесницей счастья,
Чтобъ за подножку на авось
Рукою жадной уцѣпиться:
Ты счастья не искалъ добиться,
Оно въ тебѣ за умъ взялось.

И все прекрасное въ тебѣ
Отъ искушенья уцѣлѣло:
Друзьямъ ли, съ недругомъ въ борьбѣ,
Въ глаза смотрѣть ты можешь смѣло.
Друзьямъ сберегъ ты цвѣтъ любви,
Не опаленный знойнымъ счастьемъ:
Предъ непріязненнымъ пристрастьемъ
Въ поруку совѣсть призови.

Глупцамъ—глупцы есть и у насъ—
Бываетъ солонъ умъ твой ѣдкой
И мастерски не въ бровь, а въ глазъ
Ты попадаешь шуткой меткой.
И счету нѣтъ твоимъ стрѣламъ
Въ твоемъ запасливомъ колчанѣ:
Стрѣлялъ ты въ дѣдовъ и заранѣ
Грозишь ты внучатнымъ глупцамъ.

Тебя не поглотилъ потокъ,
Текущихъ дѣлъ потокъ чернильной:
Въ себѣ отвелъ ты уголокъ
Для жизни чувствами обильной.
И вся проникнута она
Святымъ огнемъ духовной силы:
Ты другъ и братъ пѣвцу Людмилы
Ты другомъ былъ Карамзина.

Ужинъ и тостъ за здоровье хозяина дома окончили вечеръ, который надолго останется въ памяти всѣхъ въ немъ участвовавшихъ.

— 2 —

83 02/30

VII.

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ 1851 ГОДА.

Января 8 нынѣшняго года родные и друзья праздновали юбилей пятидесятилѣтней службы отечеству графа Дмитрія Николаевича Блудова. Домашній праздникъ, выражавшій воспоминанія о прошломъ и настоящія чувства людей близкихъ хозяину дома, долженъ бы остаться въ семейномъ кругу; однако же, мы позволяемъ себѣ нарушить скромность и сказать нѣсколько словъ о праздникѣ и для общаго свѣдѣнія. Имя графа Блудова принадлежитъ Россіи, его заслуги тѣсно соединены съ государственною и литературною нашею жизнію,

Онъ другъ и братъ пѣвца Людмилы,
Онъ другомъ былъ Карамзина.

Литературныя воспоминанія должны были занимать не послѣднее мѣсто на праздникѣ, котораго цѣль заключалась въ томъ, чтобы воскресить прошлое, напомнить молодость тому, чье имя соединено *съ послѣдними страницами безсмертнаго творенія Карамзина*.

Вечеръ начался домашнимъ спектаклемъ. Сцена представляла комнату, въ которой собрались дѣйствующія лица, въ костюмахъ, какъ бы для репетиціи различныхъ пьесъ, приготовляемыхъ для домашняго спектакля. Между разговорами и приготовленіями повторили нѣсколько сценъ одну за другою. Такъ были разъиграны сцены изъ старой оперы Буальдье: «ma tante Aurore», съ извѣстными куплетами: «non ma nièce vous n'aimez pas»; три первыя явленія изъ «Бригадира» Фонъ-Визина, нѣсколько сценъ изъ комедіи «Вертеръ» и, наконецъ, та сцена изъ «Дмитрія Донскаго», въ которой

1851. №3.

русскій воинъ разсказываетъ Ксеніи о пораженіи Мамая. Полнозвучные стихи Озерова, прекрасно произнесенные, произвели сильное впечатлѣніе, и сами актеры, пользуясь тѣмъ, что они какъ бы только приготовляются къ настоящему представленію, просили воина произнесть и слова Дмитрія Донского, которыми оканчивается трагедія:

Но первый сердца долгъ Тебѣ, Царю Царей,
Всѣ царства держатся десницею Твоей,
Прославь и укрѣпи и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте, великъ Онъ Русскій Богъ!

Прекрасная игра дѣйствовавшихъ лицъ, изъ которыхъ многія съ замѣчательнымъ талантомъ исполнили свои роли, и выборъ самыхъ пьесъ не могли не произвести особеннаго дѣйствія. Всѣ пьесы принадлежали къ прошедшему времени, и, напоминая графу Д. Н. Блудову его молодость, онѣ напомнили всѣмъ ту эпоху въ нашей литературѣ, когда произведенія Фонъ-Визина еще были живы въ памяти, когда уже занялась заря новаго литературнаго дня — выступили на поприще дѣйствія Карамзинъ и Дмитріевъ — и трагедіи Озерова составляли явленія современныя

Когда окончилось представленіе, на сцену вбѣжалъ молодой человѣкъ и, подавая письмо, сказалъ: «Я прямо изъ Арзамаса, то есть съ Карповки». Письмо было прочтено:

«Съ развалинъ Арзамаса, отъ *Старушки*, удрученной недугомъ, «поклонъ и радушное привѣтствіе давнишней подругѣ *Кассандрѣ* «*Пріамовнѣ*, сидящей не на развалинахъ Трои, а въ кругу любимаго «семейства и преданныхъ друзей. Старушка хотѣла бы включить въ «эту грамотку всѣ воспоминанія юности, всѣ мечты минувшихъ «дней, словомъ — отголосокъ тѣхъ забавныхъ и увлекательныхъ «бесѣдъ, о коихъ забыли безмолвные берега Карповки; но тотъ, «*кто сидѣлъ впереди*, умчался за *Свѣтланою;* бѣдная Старушка съ «трудомъ владѣетъ стальнымъ, заморскимъ перомъ, ибо говорятъ, «что на рынкѣ не найдешь теперь ни одного *перушка Арзамасскаго*, «а въ привозѣ лишь *пухъ* и *потрохъ*. Какъ все измѣнилось!

«Но вотъ что неизмѣнно: посмотрите съ умиленіемъ на этотъ «кружокъ *немногихъ* уцѣлѣвшихъ отъ времени и бурь, какъ будто «въ замѣну другихъ и смертію и жизнію похищенныхъ. Чѣмъ тѣснѣе «кружокъ, тѣмъ чистосердечнѣе порывъ его соединяющій, тѣмъ «живѣе привязанность къ вновнику нашего собранія, тѣмъ признательнѣе мы должны быть къ Провидѣнію, дарующему намъ на за-

«катѣ дней способность наслаждаться вмѣстѣ и плодами полувѣко-«вой опытности, и игрою фантазіи младенческой.

«Да будетъ сей день для насъ, стариковъ, пріятнымъ воспоми-«наніемъ молодости, а для окружающихъ насъ молодыхъ слушате-«лей новымъ побужденіемъ къ благороднымъ занятіямъ ума. Намъ, «ветеранамъ, слѣдуетъ говорить младшимъ товарищамъ, что и въ «нашу очередь, сбросивши шутливую оболочку Арзамасскую и со-«бравшись нѣкогда около *Карамзина*, онъ, какъ старшій братъ, съ «кроткою улыбкою и яснымъ взоромъ, примѣромъ и совѣтами нау-«чалъ насъ трудиться, размышлять, писать. Счастливъ, кому дано «было привязать свое имя къ послѣднимъ страницамъ его безсмерт-«наго творенія!

«Извините, любезнѣйшій *Юбиляръ*, если посланіе, начатое въ «Арзамасѣ, невольно оканчивается Петербургомъ, посреди истинно «Васъ уважающихъ и любящихъ, въ числѣ коихъ я всегда занималъ «и занимать буду, и подъ личиною старушки и въ собственномъ ви-«дѣ, не послѣднее мѣсто».

8 января 1851 г.
Въ Санктпетербургѣ.

Вскорѣ послѣ трудовъ и подвиговъ 12-го года, когда Россія уже наслаждалась плодами славнаго мира, въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ того направленія, которое геній Карамзина произвелъ на развитіе нашей словесности, молодыми писателями того времени было учреждено литературное общество подъ названіемъ: Арзамасъ. Карамзинъ считался его почетнымъ членомъ. Давая направленіе литературнымъ занятіямъ Общества, скромный и благодушный характеръ Карамзина не позволялъ ему выказывать того же авторитета въ личныхъ отношеніяхъ съ молодыми писателями: онъ былъ первымъ между равными, *старшимъ братомъ* въ литературной ихъ семьѣ, въ которой занимали мѣсто В. А. Жуковскій, Батюшковъ, Д. В. Дашковъ, кн. П. А. Вяземской и А. С. Пушкинъ. Каждый членъ Общества назывался именемъ изъ балладъ Жуковскаго. Графъ Блудовъ именовался Кассандрою, графъ Уваровъ — Старушкою.

Послѣ чтенія письма, кн. П. А. Вяземскій произнесъ куплеты, которые послѣ были пропѣты въ заключеніе представленья:

Нашъ бойкій вѣкъ паритъ и парится,
Парами гонитъ онъ и жжетъ;
Онъ жизнь торопитъ, время старитъ
И все кричитъ: впередъ, впередъ!

Что день, то новое начало;
Что день — съ вчерашнимъ днемъ разрывъ,
И что всѣхъ утромъ волновало,
То къ вечеру сдано въ Архивъ.

Дѣламъ и людямъ срокъ данъ малый:
Вчерашній геній, поглядишь,
Ужь нынче олухъ запоздалый
И вѣкъ любимцу кажетъ шишъ!

Преданій связь давно забыта,
Съ прошедшимъ справиться смѣшно,
И память на-глухо забита,
Какъ въ домѣ лишнее окно.

Одно въ умѣ нашъ вѣкъ имѣетъ,
Принявъ пословицу въ законъ:
Что кто о старомъ вспомнить смѣетъ,
Тому глазъ должно вырвать вонъ.

Ты не таковъ, и слава Богу!
Глаза не выколешь ты намъ,
Когда на старую дорогу
Свернули къ старымъ мы друзьямъ.

Твой разумъ чуждъ предубѣжденья,
Не врагъ онъ доброй новизнѣ!
Въ благихъ успѣхахъ просвѣщенья
Идешь ты съ вѣкомъ наравнѣ.

Но старинѣ ты не измѣнникъ,
Не прилепляясь къ новизнамъ,
Ты не минутѣ современникъ,
Но современникъ всѣмъ вѣкамъ.

Ты въ памяти своей обширной
Хранишь преданья всѣхъ вѣковъ,
Любуясь выставкой всемірной
Всѣхъ дарованій и умовъ.

Фонъ-Визина ты шутки любишь,
И Озерова звучный стихъ
Ты нынѣ лаской приголубишь,
Какъ сонъ и радость дней младыхъ.

Въ сей день, друзьямъ твоимъ любезный,
Когда во цвѣтѣ бодрыхъ силъ,

Ты жизни чистой и полезной
Полвѣка съ честью совершилъ,

Друзья сошлись въ твой кругъ семейный,
Чтобъ, безъ торжественныхъ затѣй,
Украсить пиръ твой юбилейный
Живой картиной прежнихъ дней.

Сложи трудовъ высокихъ бремя
И, освѣжившись стариной,
Ты обочти скупое время
И сбрось полвѣка съ плечь долой!

Сей вечеръ — радости и дружбѣ,
Сей вечеръ съ нами отдохни,
А завтра труженикъ на службѣ
Полвѣка новые начни!

Послѣ пѣнія куплетовъ, князь П. А. Вяземскій прочелъ посланіе къ графу Д. Н. Блудову:

Тому полвѣка началъ ты
Служенье обществу и благу.
Имъ сердца свѣтлыя мечты,
Имъ смѣлаго ума отвагу
Отъ раннихъ дней ты посвятилъ.
И лѣтъ тебя не тронулъ холодъ:
Еще ты нынѣ сердцемъ молодъ
И бодрый умъ твой не остылъ.

Полвѣка — и сказать такъ страхъ!
А пережить куда какъ трудно:
Жизнь сѣетъ щедро въ юныхъ дняхъ,
Но часто осенью жнетъ скудно.
Съ началомъ ссорится конецъ
И вечеръ — утра выводъ ложный,
Ты былъ и сѣятель надежный
И много выручившій жнецъ.

Ты честью почести стяжалъ
Безъ посторонняго участья.
Ты запыхавшись не бѣжалъ
За прыткой колесницей счастья,
Чтобъ за подножку на авось
Рукою жадной уцѣпиться:
Ты счастья не искалъ добиться,
Оно въ тебѣ за умъ взялось.

И все прекрасное въ тебѣ
Отъ искушенья уцѣлѣло:
Друзьямъ ли, съ недругомъ въ борьбѣ,
Въ глаза смотрѣть ты можешь смѣло.
Друзьямъ сберегъ ты цвѣтъ любви,
Не опаленный знойнымъ счастьемъ:
Предъ непріязненнымъ пристрастьемъ
Въ поруку совѣсть призови.

Глупцамъ — глупцы есть и у насъ —
Бываетъ солонъ умъ твой ѣдкой,
И мастерски не въ бровь, а въ глазъ
Ты попадаешь шуткой мѣткой.
И счету нѣтъ твоимъ стрѣламъ
Въ твоемъ запасливомъ колчанѣ:
Стрѣлялъ ты въ дѣдовъ и заранѣ,
Грозишь ты внучатнымъ глупцамъ.

Тебя не поглотилъ потокъ,
Текущихъ дѣлъ потокъ чернильной:
Въ себѣ отвелъ ты уголокъ
Для жизни чувствами обильной.
И вся проникнута она
Святымъ огнемъ духовной силы:
Ты другъ и братъ пѣвцу Людмилы,
Ты другомъ былъ Карамзина.

Ужинъ и тостъ за здоровье хозяина дома окончили вечеръ, который надолго останется въ памяти всѣхъ въ немъ участвовавшихъ.

ГРАВИРОВАНІЕ ОТЪ ЕГО НАЧАЛА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ (*).

VI. *Гравёры временъ Людовика XIV.* — *Нантёль:* Голландскій адвокатъ. — *Эделинкъ:* Св. Дѣва Франциска 1-го, *съ Рафаэля;* портретъ Филиппа Шампанскаго. — *Жераръ Одранъ:* Битвы Александра, *съ Лебрёна*, Спасенье Ипрра, *съ Пуссена.*

Мы прослѣдили ходъ и послѣдовательное развитіе искусства гравированія съ минуты, когда оно появилось лишь въ робкихъ, несмѣлыхъ попыткахъ, до того времени, когда въ немъ произошли важные улучшенія и успѣхи. Какъ ни блестящъ первый фазисъ этого искусства, онъ все-таки обнимаетъ собой одно только начало: теперь мы займемся эпохою его полнаго развитія. Мы видѣли, что итальянская и нидерландская школы сильно распространили,

(*) См. «Современникъ» 1851 г., № 2, Смѣсь.

Научн. Б-ка
№ 33195
» « 1933 г.